

Роман ВИКТЮК, режиссер:

В 19 лет все остановилось!

Сегодня у Романа Виктюка день рождения. Он первым в нашей стране научился (и научил других) делать чувственный театр. В нем прекрасные, как Адонис, юноши трепетали в ритмах хард-рока, истома, разлитая по сцене, то и дело волнами катилась в зал, а цветы зла источали свой губительный аромат. Накануне своего дня рождения самый чувственный режиссер России Роман ВИКТЮК дал интервью Анне ФЕДИНОЙ.



НАДЕЖДА ПЕЧЕНОВА

Известия, — 2003 — 21 окт. — с. 12

— Роман Григорьевич, сегодня у вас день рождения. Как собираетесь отмечать?

— Никак. Мы репетировать будем. Это от меня не зависит, потому что отмечаю не я, а те, кто помнит, кто любит, кто хочет видеть.

— Для вас день рождения не праздник?

— Возраст — бестактность времени. Природа и время постоянно должны перед тобой извиняться за то, что все так быстро летит и человек даже не может опомниться. Если бы сейчас актеры плохо репетировали пьесу о Рудольфе Нурееве, то никаких фиоритур в моем сердце бы не возникало и о бестактности времени я бы не думал, но, к счастью, я смотрю на них и радуюсь тому, что они растут на глазах. Это лучший подарок, какой только может быть. Вчера был 200-й спектакль «Саломеи», и его великолепно принимали. Во МХАТе идет «Татуированная роза» с Мирошниченко уже 20 лет. «Царская охота» в Театре им. Моссовета шла 25 лет. Когда об этом вспоминаешь и когда видишь лица студентов, которых я набрал в этом году в Театральной академии, то сразу сердце начинает как-то хорошо трепетать.

— В театре вы уже более 40 лет...

— Я не знаю этого совершенно! Я вчера пришел. Есть возраст земной, а есть возраст космический, и всегда важно знать второй — космический. Поэтому нужно знать, что тебе 19, а в 19 лет ты начинаешь все сначала и ничего не знаешь, ты только решаешься, и тебе кажется, что все будет так, как ты хочешь. И я знаю, что мне 19. Сейчас мы репетируем пьесу о Рудольфе Нурееве. 12 лет назад во Флоренции я пообещал ему, что обязательно поставлю о нем спектакль. И сейчас я занят только этим. Я хочу создать на сцене форму души этого гениального человека. Это не так просто, это не мистика, на такое может решиться только человек, которому 19 лет.

— Вы меняетесь?

— Категорически нет. Ну разве может ребенок меняться? Ребенок может поглощать свет, который дает ему жизнь, он может раствориться в этом свете или предать этот свет — это уже ребенок взрослеет. Это уже беда. А когда ребенок остается ребенком, а в творчестве это должно быть обязательно, взрослеть нельзя, потому что приходит разум, а должна быть детская мудрость.

— Когда вам исполнилось 19 лет (космических)?

— Тогда же, когда и календарных.

— То есть, достигнув этого возраста...

— Правильно, в 19 лет все остановилось! Клянусь, я не помню календарного возраста. И не хочу по-

мнить, я сознательно забываю и никогда не вспомню.

— Вы говорили, что культуру спасают дураки.

— Да! Это правда. Хотя правильнее будет сказать чудачки или даже м...ки. Потому что чудо — это то, что непременно должно происходить. Каждый прошедший день — чудо. Репетирует сегодня Бозин грандиозно — это чудо. Потому что в семье под названием «Театр Романа Виктюка» он ребенок, который пришел в 19 лет — он был на втором курсе ГИТИСа. А сейчас — хотел сказать, сколько ему лет, но не знаю — для меня ему все равно 19. И то, что он вчера играл «Саломею» замечательно, и зал его обожает: я уж не говорю про аплодисменты, крики, цветы. Но глаза людей — как они на него смотрят! Мне кажется, что это они на меня так смотрят. И когда видишь это чудо, то понимаешь, что только м...к может это делать, потому что он растворяется в тебе, он сторона твоей души. Это то, что в театре почти не происходит. Артисты на это не идут, потому что это обмен кровью, обмен дыханием, пульсацией, давлением, прошлым, настоящим...

— Срывая на сцене все условности, вы возвращаетесь к античному театру. Вы делаете это осознанно?

— Совершенно. По-видимому, вначале ты делаешь это интуитивно, а уже к 19 (!) годам — осознанно. Вначале есть опыт, потом ты этот опыт забываешь, и в тебе остается только его атавизм, который заключается в том, что человек — это тайна, раскрыть которую невозможно, но ощущать эту тайну ты должен категорически.

— Раз за разом вы возвращаетесь к «Служанкам». Что вас тянет?

— Это не я, это сам Жан Жене. Я верю в то, что нежность душ, которые уходят из этого мира, никуда не исчезает. Она окружает земной шар какой-то непонятной пленкой. И иногда они открывают эти форточки и тормозят тех людей, которых любят и которым верят. Вот так меня тормозит Рудольф Нуреев, так три раза меня тормозил Булгаков, и Жан Жене — три раза, а сейчас — четвертый. Я думаю, что новое поколение ребят, таких как Саша Дзюба, как Дима Бозин, обязано пройти через мир этого автора. Потому что все равно мир лежит во зле, хотим мы этого или нет. Цветы зла очевидны, зло ворует все знаки добра и красоты. Передать это, прокричать об этом миру это поколение 30-летних обязано. Это не мой каприз, и вопрос даже не в успехе. Они должны окунуться в то, в чем они живут сейчас. Доктрина одна: миром правит зло. И, может быть, наш театр для тех, кто в нем работает, — это единственный островок спасения.